УДК 347.44

К вопросу о результатах интеллектуальной деятельности как объектах гражданских прав

Юрий Васильевич Ячменев[1,2]
[1]Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия, turbo-62@mail.ru, SPIN-код: 8281-5140
[2]Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Представлен анализ теоретических и практических подходов правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности в гражданском праве как объектов гражданских прав в условиях стремительного развития информационных технологий, цифровизации экономики, а также возрастающего значения нематериальных активов в современном обществе. Обращено внимание на аспекты охраны и защиты результатов интеллектуальной деятельности в гражданском праве, а также доктринальные подходы к пониманию их правовой природы, классификации и особенностей защиты.

Ключевые слова: правовое регулирование, институт, результат, интеллектуальная деятельность, источники, понятие, признаки, объект, подход, охрана, защита, правовая природа, классификация, особенности, тенденции

Для цитирования: Ячменев Ю.В. К вопросу о результатах интеллектуальной деятельности как объектах гражданских прав // Правда и закон. 2025. № 3(33). С. 30–40.

On the issue of the results of intellectual activity as objects of civil rights

Yuriy V. Yachmenev[1,2]
[1]SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia, turbo-62@mail.ru, SPIN: 8281-5140
[2]North-West Institute of Management RANEPA, St. Petersburg, Russia

Abstract. The analysis is presented of theoretical and practical aspects of legal regulation of the results of intellectual activity in civil law as objects of civil rights in the context of rapid development of information technologies, digitalization of the economy, as well as the growing importance of intangible assets in modern society. Draws attention to aspects of protection and defense of the results of intellectual activity in civil law, as well as doctrinal approaches to understanding their legal nature, classification and features of protection.

Keywords: legal regulation, institution, result, intellectual activity, sources, concept, signs, object, approach, protection, defence, legal nature, classification, features, trends

For citation: Yachmenev Yu.V. On the issue of the results of intellectual activity as objects of civil rights // Truth and law. 2025. № 3(33). P. 30–40.

Интеллектуальная собственность становится одной из важнейших категорий гражданского оборота, обеспечивая правовую охрану инноваций, творческих достижений и новых технологий. В условиях цифровизации экономики [1], глобализации и усиления конкуренции защита прав на результаты интеллектуальной деятельности приобретает первостепенное значение для обеспечения устойчивого развития экономики, науки и культуры. Несомненно, эффективное правовое регулирование результатов интеллектуальной деятельности (РИД) выступает

© Ячменев Ю.В., 2025

важнейшим условием реализации научного и творческого потенциала общества [2], а также гарантом прав и законных интересов их создателей [3].

Правовое устройство, определяющее статус результатов интеллектуального труда в Российской Федерации, не сводится к единому нормативному источнику, но предстает в виде многоярусной конструкции, сочетающей положения внутригосударственного законодательства, международных соглашений и подзаконных актов, взаимодействующих по принципу сложной юридической полифонии.

Центральный массив данной регламентации сосредоточен в ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации[1] (ГК РФ) – тексте, который, как указывает А.И. Гайнутдинов, представляет собой не просто систематизацию норм, а правовую декомпозицию интеллектуальной собственности на функциональные кластеры: по объектам, по механизмам охраны, по схемам правоперехода и формам судебной и административной защиты. Эта структура одновременно вертикальна и фрагментарна, допускающая как аксиоматическую защиту, так и дискреционные процедуры [4].

Однако за пределами кодифицированного ядра действуют самостоятельные нормативные тела – в частности, Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 316-ФЗ «О патентных поверенных» и регламенты, предписывающие ритуалику подачи заявок и алгоритмы экспертной оценки. Эти нормы функционируют не как вспомогательные элементы, а как обязательные звенья в правовой циркуляции объектов интеллектуальной деятельности[2].

Международный пласт придает отечественной конструкции динамику правового дрейфа. Наиболее ранним и по сей день значимым актом, оказавшим нормативное давление на российское право, является Парижская конвенция 1883 г. Её принципы, интегрированные в национальное регулирование через призму приоритета и эквивалентности прав иностранцев и граждан, послужили правовым каркасом для формирования отечественных институтов индивидуализации и патентования. Воздействие этой конвенции носит отложенный, но устойчивый характер: правовые конструкции, внедренные ею, были институционализированы в постсоветский период через пересборку норм гражданского права.

Ратификация Российской Федерацией Бернской конвенции 1886 г.[3] в 1995 г. привнесла в отечественную систему новую аксиологию – презумпцию авторского права вне зависимости от регистрационных формальностей. Это изменило не только процедуру, но и юридическую философию: произведение, однажды выраженное, стало обладать правовой охраной по факту своего бытия. Статья 1259 ГК РФ зафиксировала эту трансформацию, устранив обязательную государственную регистрацию авторских прав. Также был имплементирован международный стандарт минимального срока охраны – первоначально 50 лет после смерти автора, впоследствии унифицированный до 70 лет в соответствии с правовыми практиками Европейского союза [5].

Значимую роль в формировании прецедентной логики применения указанных норм играют судебные акты высших инстанций. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации выступают не в роли толковательных деклараций, а как субнормативные координаты, формирующие правоприменительный вектор и устраняющие региональные или функциональные коллизии в судебной практике.

В совокупности правовое регулирование интеллектуального продукта в российской юрисдикции представляет собой не монолит, а юридическую многослойную матрицу, в которой внутреннее и внешнее, стабильное и изменчивое,

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 22 июля 2024 г.) // Рос. газ. 2006. № 289. 22 дек.

[2] О патентных поверенных: Федер. закон от 30 дек. 2008 г. № 316-ФЗ (в ред. от 31 июля 2023 г.) // Рос. газ. 2008. № 267. 31 дек.

[3] Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сент. 1886 г. (в ред. от 28 сент. 1979 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нормативное и доктринальное вступают в диалектическое взаимодействие, обеспечивая адаптацию системы к трансграничным вызовам и технологическим трансформациям.

Мысленные конструкции, возникающие в результате акта творческого усилия, обозначаемые в юридической доктрине как РИД, не соотносятся с вещественными объектами гражданского оборота, но при этом прочно встраиваются в его правовую архитектонику. Их онтология – нематериальна, их бытие – внефизическое, однако именно они формируют одну из наиболее структурно сложных категорий объектов гражданских прав. По формулировке А.А. Вшивцевой, РИД надлежит рассматривать как продукты креативной ментальной работы, способные к правовому обособлению посредством предоставления субъекту исключительных полномочий [6].

Системный анализ норм, закрепленных в ч. 4 ГК РФ, позволяет выделить ряд признаков, конституирующих правовую сущность РИД.

Прежде всего, они – плод креативной когниции. Как подчеркивает К.О. Иванов, именно наличие творческого начала служит ключом к разграничению РИД и иных объектов гражданских прав. Законодателем не установлены количественные критерии оригинальности, что обуславливает необходимость казуального подхода и детального выявления креативного вклада в каждом конкретном случае [7].

Далее, РИД существуют в модусе идеального, то есть лишены материального субстрата. Это положение прямо закреплено в ст. 1225 ГК РФ, которая постулирует независимость объектов интеллектуальной собственности от их вещественного носителя. Форма воплощения не определяет правовой статус – правовая значимость лежит вне материальной оболочки.

Третья характеристика – обусловленность правовой охраной соблюдения установленных законодательных условий. Как справедливо акцентирует И.В. Ширкова, правопризнание РИД как объекта охраны возможно лишь при их полной нормативной адекватности, что, в свою очередь, инициирует возникновение исключительных правомочий.

Четвертым параметром выступает новизна, требуемая применимым правопорядком. В ряде случаев данный критерий прямо детерминирован нормами законодательства – в особенности в сфере патентного регулирования, где отсутствие элемента новизны обесценивает правовое притязание.

Таким образом, специфика РИД выражается в их вневещественной, нормативно обусловленной и творчески детерминированной природе. Они не тождественны вещам ни по своему правовому режиму, ни по способу существования, и тем самым занимают автономное пространство в системе объектов гражданского права.

Многообразие форм интеллектуального творчества, сопряженного с правовой охраной его результатов, обусловило в научной мысли необходимость конструирования оригинальных классификационных моделей. При этом В.В. Пекарева справедливо акцентирует, что эффективность правового воздействия и надежность охраны РИД невозможны вне строго артикулированной систематизации, выстроенной на многомерных основаниях дифференциации. Предложенная ею триединая конструкция – отраслевой признак, характер креативной деятельности и юридический режим – представляется концептуально завершенной и практически применимой [8].

В рамках отраслевого критерия результаты интеллектуального труда дифференцируются на объекты авторского права, объекты патентного регулирования, средства индивидуализации, а также на нетиповые образования, к коим относятся, в частности, топологии интегральных микросхем. Данная диспозиция фиксирует специфику нормативной архитектуры различных категорий РИД и позволяет учитывать вариативность их происхождения, функционирования и правовой защиты. Так, охране по линии авторского права подлежат произведения науки, литературы и искусства; объектами патентного воздействия являются

изобретения, полезные модели и образцы промышленного дизайна; средства индивидуализации охватывают знаки обслуживания, товарные обозначения и наименования мест происхождения продукции. Особняком располагаются топологии интегральных микросхем – их правовое регулирование формируется на основе специализированных норм, исключенных из общего патентного массива.

Переход к критерию творческой природы позволяет углубить правовую анатомию создаваемых объектов. Как указывает А.И. Гайнутдинов, продукция интеллектуального труда требует разграничения по типам креативной активности – научной, литературной, художественной, конструкторской и иных. Эта типология имеет непосредственное значение при определении нормативного режима: научные и художественные труды подпадают под действие авторского законодательства, тогда как инженерные решения регулируются нормами патентного права. В первом случае акцент делается на уникальности замысла и выразительности формы, во втором – на технической новизне, уровне изобретательского подхода и промышленной реализуемости.

Классификация, выстроенная по признаку юридического режима, выявляет фундаментальное деление на охраняемые и необладающие правовой защитой объекты. В первой категории фигурируют результаты, удовлетворяющие критериям правовой охраны и генерирующие исключительные правомочия – будь то охраняемые патенты, зарегистрированные товарные знаки или авторские произведения. Вторая категория охватывает как продукты, не отвечающие требованиям охраноспособности, так и утратившие защиту вследствие истечения сроков или признания прав недействительными. При этом граница между двумя категориями остается динамичной: она подвержена колебаниям под воздействием эволюции законодательства, судебных подходов и доктринального анализа.

Особый интерес в новейшем научном дискурсе вызывает статус объектов, сгенерированных посредством систем искусственного интеллекта. Полевой Г.Г. справедливо утверждает, что данные результаты требуют выделения в автономную категорию, ибо классические постулаты авторства и правосубъектности оказываются неадекватными применительно к продуктам, созданным без прямого участия человека либо при его минимальной вовлеченности. Проблематизация здесь сконцентрирована на вопросе: кому принадлежит исключительное право – разработчику алгоритма, оператору системы или в теоретической плоскости самой цифровой структуре? Ответов, приемлемых в рамках действующих правовых парадигм, пока не предложено, что делает необходимым концептуальное переосмысление предмета [9].

Следует подчеркнуть, что классификация РИД обладает не только теоретическим, но и выраженным прикладным измерением. Именно она позволяет верно соотнести объект с соответствующим режимом охраны, определить применимые процедуры, специфику использования и средства правового реагирования в случае нарушения. Так, понимание отнесенности РИД к авторскому или патентному полю влечет за собой необходимость соблюдения различных формальностей – от депонирования до патентной экспертизы, применения различных сроков охраны и соответствующих механизмов – будь то пресечение контрафакта или инициирование процедуры аннулирования патента.

Дополнительно классификационная модель незаменима при конструировании договорных форм. Лицензионные соглашения, договоры об уступке исключительных прав, механизмы совместной разработки РИД требуют точного позиционирования объекта в системе правового регулирования. От этого зависят условия передачи, степень отчуждаемости, режим использования и последствия нарушения обязательств.

Таким образом, глубокая, многоплоскостная классификация интеллектуальных продуктов, учитывающая отраслевую специфику, характер креативного акта и правовой режим, представляет собой не факультативное упражнение, а обязательный инструмент правового упорядочивания, необходимый для

обеспечения действенной защиты, корректного правоприменения и справедливого распределения прав на результаты интеллектуального усилия.

Юридическая сущность РИД обнажается сквозь их признакосферу, специфику правового режима и особенности функционирования в тканях гражданского оборота.

Вшивцева А.В. с методологической строгостью и научной последовательностью подчеркивает принципиально важное обстоятельство, заключающееся в том, что РИД представляют собой нематериальные образования, качественно отличающиеся по своей природе от объектов материального мира, и потому не могут быть предметом обыденного присвоения по традиционной модели вещных прав, выработанной в контексте регулирования оборота материальных объектов. Данная позиция указывает на невозможность применения к РИД классических категорий права собственности, основанных на физической осязаемости вещи, ее определенности в пространстве и возможности фактического господства над ней.

Взамен этому в отношении результатов интеллектуальной деятельности формируется особая правовая конструкция – система исключительных прав, обладающих уникальными характеристиками, отличающими их как от вещных, так и от обязательственных прав. Исключительное право, будучи по своей сути субъективным абсолютным правом, предоставляет его носителю возможность осуществлять контроль за использованием нематериального объекта в правовом поле, в том числе запрещать или разрешать его использование третьим лицам. При этом данное право носит властный характер, проявляющийся в юридически обеспеченной монополии на соответствующий объект, что сближает исключительное право с вещным правом по признаку исключительности, но не отождествляет их.

Таким образом, в рамках современного правопонимания интеллектуальной собственности происходит трансформация базовой парадигмы присвоения – от физически закрепленного объекта к юридически охраняемому нематериальному результату творческой или интеллектуальной деятельности. Это свидетельствует о необходимости развития особой методологии правового регулирования в данной сфере, учитывающей специфику объектов интеллектуальной собственности и невозможность их механической инкорпорации в традиционные вещно-правовые конструкции [6].

Характерным изломом правового режима РИД служит конечность во времени привилегии исключительного пользования. Статья 1281 ГК РФ фиксирует продолжительность авторского права в течение всей жизни творца и последующих 70 лет по её завершении. Пределы существования патентных прав сжаты еще более жестко.

Необходимо отметить и иной принципиальный вектор – требование формализации прав. Права на РИД возникают в момент их создания ipsofacto, однако для реализации охраны в ряде случаев (например, при изобретениях и товарных знаках) требуется государственная регистрация.

Еще одной чертой, отделяющей РИД от материальных благ, является их мультиплицируемость в обороте: разные субъекты вправе использовать один и тот же результат на основе лицензионных конструкций, тогда как вещные права допускают единовластие лишь одного титулодержателя.

Итак, в теоретических обоснованиях юридического существования РИД можно сделать следующие выводы:

1. РИД имеют комплекс особенностей, кардинально отличающих их от иных объектов гражданского права: креативной природой происхождения, имматериальностью, обязательностью соблюдения условий охраны и, в ряде случаев, требованием новизны. Эти параметры формируют автономный правовой режим и обуславливают особенности их оборота.

2. Классификация РИД является не формальной процедурой, а функциональным инструментом обеспечения надлежащего регулирования и защиты. Деление по отраслевой принадлежности, характеру творческой активности

и правовому режиму объекта позволяет одновременно учитывать как нормативные, так и прикладные аспекты реализации правового механизма.

3. Юридическая природа РИД определяется их нематериальностью, спецификой возникновения и содержания исключительных прав, их временными ограничениями, а также способностью к многократному гражданско-правовому воспроизведению. Эти признаки обосабливают РИД в системе объектов гражданского права и требуют последующего углубления правовых конструкций, особенно в условиях цифровизации и поступательной интеграции технологий искусственного интеллекта.

Юридическая констелляция охраны и защиты прав на результаты интеллектуального творчества в гражданско-правовой системе не сводится к простой дихотомии, но формирует сложную нормативную взаимосвязь, где каждая из категорий – охрана и защита – несет самостоятельную функциональную нагрузку. Первая формирует правовой контур допустимого, вторая активизируется при попытках этот контур разрушить. Их различие, при всей очевидности сопряженности, составляет методологическое ядро современного осмысления механизма прав на объекты интеллектуальной сферы и определяет прикладную направленность правореализующей деятельности.

Охрана результатов интеллектуальной деятельности представляет собой не механическое признание принадлежности, а институционализированное наделение объектов специальным правовым статусом, влекущим возникновение исключительных прав. Как убедительно указывает В.Е. Шумилина, моментом возникновения такой охраны следует считать акт созидания самого результата, что особенно очевидно в отношении объектов авторского права. Статья 1259 ГК РФ прямо закрепляет: произведения науки, литературы и искусства обретают защиту исключительно в силу факта своего возникновения, без необходимости прохождения регистрационных или депонирующих процедур. Это нормативное положение аккумулирует доктрину, закрепленную еще в Бернской конвенции 1886 г., в соответствии с которой охрана авторского произведения осуществляется без предварительных формальностей.

Однако иная юридическая логика предписана для объектов, связанных с патентной системой и средствами индивидуализации. В отношении изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, товарных знаков и наименований мест происхождения товаров действует императив регистрационного формализма. Только после верификации соответствующих охранных условий (новизна, оригинальность, уровень изобретательности) и прохождения процедуры государственной регистрации, как предписано в ст. 1353 и 1473 ГК РФ, возникает исключительное право. Регистрация здесь – не просто акт подтверждения, а правовой фильтр, обеспечивающий публичность режима и правовую предсказуемость гражданского оборота.

В освещении аспектов охраны РИД отметим, что юридическая защита, в отличие от охраны, активизируется не в момент рождения права, а при его трансгрессии – при посягательстве на установленный правопорядок. Она не декларирует, а отражает и восстанавливает. Как отмечает Н.В. Бондарев, ключевым элементом механизма защиты является оперативная способность правообладателя к правомерному реагированию на противоправные действия со стороны третьих лиц [10].

Средства защиты в гражданском праве имеют точечную нормативную регламентацию в ст. 1250–1252 ГК РФ. В числе предусмотренных мер: требование о признании права, пресечение нарушающих или угрожающих нарушением действий, взыскание убытков, а также компенсация за нарушение исключительных прав. Причем последняя может быть востребована независимо от доказанности реального ущерба, что, по справедливому замечанию Н.В. Бондарева, существенно упрощает процесс восстановления нарушенного правового баланса и повышает эффективность защиты интересов правообладателей.

В последние годы наблюдается трансформация института компенсации в судебной практике, обретшая выражение не просто в числовом измерении взысканий, но и в глубинной правовой стратегии превентивного воздействия. Суды активно прибегают к инструментарию, закрепленному в п. 3 ст. 1252 ГК РФ, позволяющему взыскивать компенсацию в диапазоне от десяти тысяч до пяти миллионов рублей либо в двукратном эквиваленте стоимости контрафактной продукции. Этот подход носит не столько ретроспективный, сколько превентивный характер, ориентированный на институционализацию уважения к исключительным правам через страх экономических последствий нарушения.

Административно-правовые механизмы защиты интеллектуальной собственности функционируют как автономная, но взаимосвязанная система, осуществляющая юридическое сопровождение оборота результатов интеллектуальной деятельности[4].

Уголовно-правовой инструментарий защиты занимает позицию крайней меры, активируемой в случае наступления на интеллектуальные блага с высокой степенью общественной опасности[5]. Современная практика свидетельствует о тенденции к синтетическому применению различных форм защиты – гражданско-правовых, административных и уголовно-правовых, что обусловлено усложнением моделей нарушения, особенно в условиях цифровизации. Комбинированный формат воздействия представляет собой ответ на многоуровневую, трансграничную и зачастую анонимную природу интеллектуальных посягательств.

Правовая охрана на международной арене институционализирована посредством участия Российской Федерации в многосторонних договорах, регламентирующих трансграничное признание и защиту прав[6].

Таким образом, система охраны интеллектуальной собственности представляет собой сложноорганизованную, иерархически распределённую конструкцию, интегрирующую как специальные правовые режимы для отдельных объектов, так и эффективные механизмы восстановления нарушенных прав. Её развитие находится в постоянной зависимости от темпов и направлений цифровой трансформации общественных отношений и требует глубокого научного осмысления, а также нормативного реагирования, адекватного вызовам новой техно-юридической реальности.

В свете современных проблем и тенденций развития правового регулирования РИД следует отметить, что несмотря на внешнюю стройность нормативно-правового механизма охраны результатов интеллектуальной деятельности, его внутренняя структура демонстрирует тревожную нестабильность и концептуальную фрагментарность. Современное состояние данного правового института как

[4] Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) наделена полномочиями по разрешению споров, касающихся регистрации объектов, аннулирования правовой охраны, а также привлечения к административной ответственности за неправомерное использование средств индивидуализации. Вектор надзора за недобросовестной конкуренцией, сопряженной с незаконным использованием чужих нематериальных активов, возложен на Федеральную антимонопольную службу, действующую в парадигме правового противодействия рыночным искажениям. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит нормы специального назначения, нацеленные на оперативное вмешательство в случае нарушения прав на объекты интеллектуального труда.

[5] Статья 146 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) вводит ответственность за противоправное использование произведений, выражающееся в причинении крупного ущерба или совершенное организованной группой. Статья 147 УК РФ охватывает сферу охраны технического творчества, включая незаконное внедрение изобретений, полезных моделей и промышленных образцов в хозяйственный оборот. Криминализация данных деяний со стороны государства служит индикатором особой социальной значимости интеллектуального капитала как объекта правовой охраны.

[6] Среди них – Парижская конвенция, Бернская конвенция, Договор о патентной кооперации, Мадридское соглашение и иные правовые рамки, способствующие унификации национальных подходов и обеспечению юридической трансмиссии прав за пределами внутреннего правопорядка.

в юрисдикции Российской Федерации, так и в контексте международного правопорядка, свидетельствует о наличии трудноразрешимых, глубоко укоренённых коллизий, выходящих за рамки рутинной правовой корректировки и требующих многоуровневого анализа с вовлечением нормотворческого, доктринального и правоприменительного компонентов.

Особо острый дискурс формируется вокруг правового режима объектов, генерируемых с использованием технологий искусственного интеллекта. Эти объекты не вписываются в антропоцентрическую матрицу авторского права, закреплённую в положениях ч. 4 ГК РФ, где как аксиома закреплено существование автора как персонифицированного субъекта творческой воли. Однако при функционировании автономных алгоритмических систем, в особенности самообучающихся, творческий импульс субъективно не фиксируем, что ставит под сомнение традиционные концепты авторства и исключительных прав. Следует ли признать автором разработчика кода? Или пользователя, инициировавшего процесс генерации? Или, вопреки устоям частноправовой доктрины, рассматривать алгоритм как носителя самостоятельной правоспособности? [9]

Ответы, предлагаемые в научной литературе, разительно различаются: от инерционного подхода, закрепляющего авторство за физическим лицом, до призывов к институционализации suigeneris статуса для продуктов интеллектуальной автономии либо к осторожному допущению ограниченной правосубъектности за ИИ-системами (искусственный интеллект). Однако ни отечественное законодательство, ни международная нормативная практика не выработали универсального решения. Данная правовая неопределённость генерирует риски в гражданском обороте: отсутствие чёткой правовой атрибуции препятствует надлежащей фиксации исключительных прав, дестабилизирует договорные механизмы и усложняет защиту интересов участников правоотношений.

На этом фоне не теряет актуальности и другой системообразующий конфликт – противоречие между частным правом обладания и общественным интересом к доступу. Как указывает В.В. Пекарева, современная модель интеллектуальной собственности не может оставаться узкоцентрированной на правовой охране субъективных притязаний правообладателя; напротив, она обязана учитывать общественную необходимость в свободном доступе к результатам научного, образовательного и культурного значения. При отсутствии соответствующего баланса неизбежна гипертрофия монополизации знаний, что ведёт к эрозии инновационного и образовательного потенциала. Избыточная длительность сроков охраны, завышенные трансакционные издержки на использование охраняемых объектов в исследовательских целях и ограничение на производные формы творчества становятся предметом обострённой доктринальной критики и требуют нормативной трансформации в сторону гибкости и открытости [8].

Не менее значимо изменение самих способов правовой охраны в условиях цифровизации. Исследователи И.В. Рогиз и В.О. Лопин справедливо подчеркивают: традиционные методы противодействия нарушениям — такие как пресечение оборота контрафактной продукции — становятся функционально неадекватными в среде, лишённой материальных ориентиров. На смену приходят технологические барьеры: цифровые системы управления правами (DRM), механизмы невидимого маркера (watermarking), а также блокчейн-инфраструктуры, способные зафиксировать акт создания или передачи прав с высокой степенью достоверности. Однако эти инструменты сами становятся предметом правовой полемики: насколько допустимо ограничение свободного информационного обмена? Каковы пределы допустимого обхода технических мер в общественно значимых целях? И где пролегает грань между защитой прав и недопустимым контролем? [11]

Режим охраны интеллектуального достояния вступает в стадию концептуального расслоения, где прежние контуры правосубъектности, объектности и юридического механизма растворяются в новой онтологии постгуманистического правопорядка. Речь уже не идёт о точечной правовой косметике – необходима

деконструкция прежней понятийной матрицы и сборка иного логико-правового каркаса, соответствующего изменившейся техно-социальной ткани.

Юридическое поле продолжает демонстрировать системные изломы, внутренне противоречивые и семантически нестабильные. Умарова А.А. с обоснованной критикой указывает на терминологическую аморфность: конструкции вроде «интеллектуальная собственность», «исключительное право», «результат интеллектуальной деятельности» циркулируют в юридическом дискурсе как взаимозаменяемые или частично перекрывающиеся, что затрудняет унификацию правоприменения и формирования устойчивой судебной доктрины. Более того, нормативное поле по-прежнему игнорирует целые классы объектов – от массивов больших данных до архитектур нейросетей – вынуждая обращаться к аналогии закона и права, что ведёт к эксцессам правовой неопределённости и снижает прогностичность юридических исходов [12].

На внешнем контуре сохраняется напряжённая задача – гармонизация национального регулирования с трансграничными правовыми режимами. Головин А.А., Линьков В.И. и Р.Н. Шалайкин подчёркивают необходимость ювелирного баланса между имплементацией международных обязательств – Бернская конвенция, Договор о патентной кооперации, Мадридское соглашение – и сохранением функционального суверенитета отечественной системы. Механическое заимствование норм без учета институциональных и экономических реалий российской юрисдикции чревато не только снижением эффективности охраны прав, но и ослаблением технологической самодостаточности, ростом зависимости от иностранных праводержателей и вытеснением национальных разработчиков [13].

Актуализируется задача стратегической экспансии – обеспечения дееспособной международной защиты российских авторов, изобретателей и правообладателей, что требует не пассивного следования, а активного участия в выработке новых правовых конструкций глобального уровня, а также совершенствования механизмов международной регистрации прав.

Системный анализ правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности в Российской Федерации позволяет выделить следующие:

1. Механизм нормативной регламентации РИД в России – иерархически сложно организованная система, включающая акты национального законодательства, положения международных договоров и прецедентную судебную интерпретацию. Их межуровневая интеракция формирует динамическое равновесие между внутренними потребностями и экстерриториальными императивами.

2. В рамках гражданско-правовой конструкции охрана и защита интеллектуальных прав выполняют различные функции: первая легализует сам статус объекта, вторая – реставрирует нарушенное правовое состояние. Совокупность процедур в гражданском, административном и уголовном контексте указывает на высокую нормативную значимость института.

3. Основные векторы правовой неопределенности в сфере РИД обусловлены экспансией цифровых технологий, усилением роли ИИ и необходимостью нормативной синхронизации с глобальными стандартами. Перспективным направлением становится институциональное обновление правовой базы, устранение пробелов в регулировании и адаптация классических правовых механизмов к трансформированной цифровой реальности.

Современные вызовы и векторы трансформации системы регулирования результатов интеллектуального труда свидетельствуют о неотвратимости нормативной адаптации существующих институтов к техноэкономической парадигме нового времени. К числу приоритетных направлений следует отнести законодательное закрепление правового статуса объектов, созданных при участии ИИ, развитие цифровых механизмов охраны прав, а также гармонизацию отечественного законодательства с международными стандартами при сохранении суверенного характера правовой системы.

Список источников

1. Лисица В.Г. Цифровая валюта, цифровой рубль и электронные денежные средства в российском гражданском праве: проблемы соотношения // Государство и право. 2024. № 2. С. 110–108.

2. Овчинников И.В. О концепции интеллектуальных прав в свете их объектов // Государство и право. 2023. № 7. С. 79–87.

3. Козлова Н.В., Филиппова С.В. Проблемы возникновения, прекращения и защиты авторских прав на проекты официальных документов // Государство и право. 2024. № 2. С. 99–100.

4. Гайнутдинов А.И. Интеллектуальная собственность и ее роль в современном гражданском праве // Молодой ученый. 2023. № 47 (494). С. 275–277.

5. Ширкова И.В. Право интеллектуальной собственности как подотрасль гражданского права: правовой аспект // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. 2022. № 20. С. 119–127.

6. Вшивцева А.В. Правовая природа исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности // Вестник научной мысли. 2022. № 6. С. 169–175.

7. Иванов К.О. О некоторых теоретических аспектах критериев творческой составляющей результатов интеллектуальной деятельности // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 3-1. С. 290–296.

8. Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Гражданско-правовой режим результатов интеллектуальной деятельности: систематизация и состояние // Научный аспект. 2024. Т. 10. № 2. С. 1242–1247.

9. Полевой Г.Г. Субъект авторского права и смежного права на результат интеллектуальной деятельности, созданный с применением системы искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2023. № 27. С. 180–190.

10. Шумилина В.Е., Бондарев Н.В. Защита интеллектуальной собственности // Наука и мир. 2022. № 1. С. 26–30.

11. Рогиз И.В., Лопин В.О. Автор результата интеллектуальной деятельности: понятие и признаки // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105-8. С. 50–53.

12. Умарова А.А. Понятие интеллектуальной собственности в гражданском праве // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11 (215). С. 162–164.

13. Головин А.А., Линьков В.И., Шалайкин Р.Н. Интеллектуальное право. Новый взгляд на результаты интеллектуальной деятельности // Право и управление. 2023. № 12. С. 457–461.

References

1. Lisica V.G. Cifrovaya valyuta, cifrovoj rubl' i elektronnye denezhnye sredstva v rossijskom grazhdanskom prave: problemy sootnosheniya // Gosudarstvo i pravo. 2024. № 2. S. 110–108.

2. Ovchinnikov I.V. O koncepcii intellektual'nyh prav v svete ih ob"ektov // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 7. S. 79–87.

3. Kozlova N.V., Filippova S.V. Problemy vozniknoveniya, prekrashcheniya i zashchity avtorskih prav na proekty oficial'nyh dokumentov // Gosudarstvo i pravo. 2024. № 2. S. 99–100.

4. Gajnutdinov A.I. Intellektual'naya sobstvennost' i ee rol' v sovremennom grazhdanskom prave // Molodoj uchenyj. 2023. № 47 (494). S. 275–277.

5. Shirkova I.V. Pravo intellektual'noj sobstvennosti kak podotrasl' grazhdanskogo prava: pravovoj aspekt // Vestnik Donbasskoj yuridicheskoj akademii. Yuridicheskie nauki. 2022. № 20. S. 119–127.

6. Vshivceva A.V. Pravovaya priroda isklyuchitel'nyh prav na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti // Vestnik nauchnoj mysli. 2022. № 6. S. 169–175.

7. Ivanov K.O. O nekotoryh teoreticheskih aspektah kriteriev tvorcheskoj sostavlyayushchej rezul'tatov intellektual'noj deyatel'nosti // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. T. 13. № 3-1. S. 290–296.

8. Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Grazhdansko-pravovoj rezhim rezul'tatov intellektual'noj deyatel'nosti: sistematizaciya i sostoyanie // Nauchnyj aspekt. 2024. T. 10. № 2. S. 1242–1247.

9. Polevoj G.G. Sub"ekt avtorskogo prava i smezhnogo prava na rezul'tat intellektual'noj deyatel'nosti, sozdannyj s primeneniem sistemy iskusstvennogo intellekta // Voprosy rossijskoj yusticii. 2023. № 27. S. 180–190.

10. Shumilina V.E., Bondarev N.V. Zashchita intellektual'noj sobstvennosti // Nauka i mir. 2022. № 1. S. 26–30.

11. Rogiz I.V., Lopin V.O. Avtor rezul'tata intellektual'noj deyatel'nosti: ponyatie i priznaki // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2024. № 105-8. S. 50–53.

12. Umarova A.A. Ponyatie intellektual'noj sobstvennosti v grazhdanskom prave // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 11 (215). S. 162–164.

13. Golovin A.A., Lin'kov V.I., Shalajkin R.N. Intellektual'noe pravo. Novyj vzglyad na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti // Pravo i upravlenie. 2023. № 12. S. 457–461.

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 25.07.2025.
The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 25.07.2025.

Информация об авторе
Ю.В. Ячменев – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96); профессор кафедры гражданского и трудового права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. ВО, 57).

Information about the author
Yu.V. Yachmenev – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 96); Professor of the Department of Civil and Labor Law at the North-West Institute of Management, RANEPA (Russia, 199178, Saint Petersburg, Sredny ave., 57).